

Александр Гарцев

Я всегда есть я

Александр Гарцев

Я всегда есть я

«Автор»

2026

Гарцев А.

Я всегда есть я / А. Гарцев — «Автор», 2026

В повести известного сетевого писателя Александра Гарцева «Я всегда есть я» в жанре молодежной подростковой прозы рассказывается о взрослении в эпоху, когда слова еще имели вес, а дружба была крепче стали. Это история о том, как мальчик, который считал себя наблюдателем, становится участником. Как интеллигентный центр встречается с рабочей окраиной. Как боль, которую разделили, становится меньше, а любовь, которую разделили, становится больше. Это повесть о первом разочаровании и первой любви. О первой драке и первом сострадании. О том, что иногда нужно спуститься в ад, чтобы понять, что ты — не Орфей. Что ты просто человек. Который наконец-то научился видеть других. И себя.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Персонажи	5
Глава 1. Мир на ладони	7
Глава 2. Тень на бумаге	9
Глава 3. Синарка зовет	12
Глава 4. Трещина в стекле	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Гарцев

Я всегда есть я

Персонажи

Глеб Валерьевич Северов (16 лет)

Биография: Сын главного режиссера Каменск-Уральского драмтеатра и библиотекаря. Живет в доме на улице Ленина. С детства впитал запах кулис, старых книг и интеллигентных кухонных споров.

Портрет: Длинные волосы до плеч, мягкий взгляд, спокойная походка. Одевается просто, но со вкусом (джинсы-«варенки», привезенные отцом, рубашки с воротником-стойкой).

Мотивы: Сохранить внутреннюю гармонию. Сначала — избежать грязи мира, позже — защитить своих, не озлобившись.

От «философского отстранения» и скрытого снобизма к подлинному, жертвенному состраданию.

Олег Павлович Морозов (17 лет)

Биография: Сын мастера прокатного цеха Синарского трубного завода (СИНЗ). Живет в бараке, которую скоро снесут, или в тесной «чешке».

Портрет: Высокий, белокурый, вечно растрепанный. Костяшки рук сбиты. Глаза горят лихорадочным огнем.

Мотивы: Доказать свою значимость, найти врага, которого можно победить. Он ненавидит свою бедность и завидует Глебу, но обожает его за то, что Глеб не кичится.

От слепой агрессии к пониманию, что сила — не в кулаках.

Константин Игоревич Ремезов (18 лет)

Биография: Второй год в 10-м классе (болел желтухой, но на самом деле — запойный отец). Мать работает на почте.

Портрет: Худой, с глубокими тенями под глазами. Курит «Беломор». Всегда носит с собой потертый кожаный портфель.

Мотивы: Спрятать свою боль за скепсисом. Быть нужным друзьям, потому что дома он — никто.

От замкнутости и стыда к принятию себя и обретению голоса (в прямом и переносном смысле).

Слава «Славик» Николаев (14 лет)

Биография: Младший брат девушки, в которую влюблен Олег. «Хвост», который вьется за старшими.

Портрет: Конопатый, в вязаной шапочке не по сезону, с вечно разбитыми коленками.

Мотивы: Быть принятым в мир взрослых. Заслужить уважение Олега.

Потеря иллюзий. Он первым понимает, что мир взрослых жесток, и именно его ошибка запускает сюжет.

Дмитрий «Док» Доктуров (18 лет)

Биография: Сын начальника цеха СИНЗ. Учится в ПТУ. «Принц» Синарки. Умный, циничный, но глубоко одинокий. Мать ушла, отец его ненавидит за «бесполезность».

Портрет: Стрижен «под ноль», носит кожаную куртку и тяжелые ботинки. Улыбка хищная, но в глазах — тоска.

Мотивы: Уничтожить все «красивое» и «возвышенное», потому что ему это недоступно. Доказать, что все в мире продажны или трусливы.

От разрушителя к человеку, который впервые сталкивается с неподдельным достоинством и милосердием.

Валерий Петрович Северов (Отец Глеба). Интеллигент старой закалки. Выступает в роли «Ментора». Говорит цитатами из Чехова, но за ними скрывается глубокая усталость от советской конъюнктуры в театре.

Зинка (17 лет). Работает в заводской столовой на Синарке. Острая на язык, курит «Приму». Ненавидит Дока за его высокомерие. Становится «проводником» Глеба в мир рабочих окраин.

Михалыч. Сторож на заброшенной насосной станции у Красногорского пруда. Бывший фронтовик, молчун, который видит людей насквозь. Символ «старой, уходящей правды».

Глава 1. Мир на ладони

Волосы. Опять эти волосы.

— Глеб, я вас просто умоляю, — голос Марии Павловны, завуча по воспитательной части, срывался на тот самый высокий, вибрирующий фальцет, от которого у Глеба всегда начинало покалывать в ушах. — Это не просто неуважение к школе. Это... это вызов обществу! Вы взгляните как деклассированный элемент. Как битломан, прости господи!

Глеб стоял посреди пыльного, пропахшего мастикой и старой бумагой учительского угла и смотрел на нее. Он не смотрел вызывающе или дерзко — он смотрел с тем самым спокойным, почти буддийским участием, которое приводило педагогов в еще большую ярость.

— Мария Павловна, — тихо произнес он, и голос его был мягок, как старый бархат из отцовской гримерки. — Я же не хожу в школу в шапке-ушанке летом.

— Не смейте передергивать! — завуч схватила за сердце. — Срежьте их. Завтра. Иначе я буду вынуждена поставить вопрос на педсовете.

— Хорошо, Мария Павловна, — кивнул Глеб. Он действительно так думал. Он не соби-рался стричься, но и спорить не видел смысла. Зачем тратить энергию на трение?

Он вышел из школы, и июньский воздух Каменска-Уральского обнял его, густой, сладкий от цветущих лип и чуть уловимо-металлический — это с Синарки, из-за железнодорожного моста, тянуло заводским маревом.

Глеб поправил ремень тяжелой сумки и пошел по улице Ленина. Город просыпался после рабочего дня. Мимо проезжали «москвичи» и редкие, словно диковинные птицы, «жигули». По обеим сторонам улицы высились те самые прекрасные, крепкие пятиэтажки, которые строили для заводчан и интеллигенции в конце пятидесятых — с лепниной, широкими подоконниками и палисадниками, где уже вовсю полыхали пионы.

Глеб любил этот город. Любил его неистойвой, мальчишеской любовью. Он знал здесь каждый камень на набережной Исети, каждый скрипучий трамвай, каждый закоулок за кулисами Драматического театра, где его отец, Валерий Петрович, ставил то Чехова, то какие-то немислимые агитки про светлое будущее. Отец говорил, что театр — это храм, а Глеб считал его просто очень уютным домом, где пахнет гримом, пылью и чьими-то чужими жизнями.

На набережной Исети, у самого обрыва, где река здесь была еще мелкой, каменистой и быстрой, уже сидели его друзья.

Олег, конечно же, не сидел, а находился в состоянии вечного, нервного движения. Он стоял на корточках у воды, отламывал куски песчаника и с остервенением швырял их в реку. Высокий, белокурый, вечно растрепанный, он напоминал взведенную пружину. Рядом валялась гитара в чехле, к которому Олег даже не притрагивался.

— Опять опоздал, длинноволосый, — бросил Олег через плеч, не оборачиваясь. — Я уже думал, тебя в этой школе вместе с партией похоронили.

— Меня пытались, — Глеб улыбнулся, садясь на теплый, нагретый солнцем бетонный парапет. — Но я сопротивлялся.

Чуть поодаль, на траве, сидел Костя. Он был старше их на год, и это чувствовалось во всем: в том, как он держал сигарету, в том, как небрежно, но бережно положил рядом с собой потертый кожаный портфель. Костя курил, прищурившись, и смотрел на воду. Он был худ, бледен, и под глазами у него залегли тени, которых не должно быть в семнадцать лет.

— Отпустило? — негромко спросил Костя, выдыхая дымок. Пахло «Беломором».

— Отпустило, — кивнул Глеб.

Костя хмыкнул, затушил сигарету о камень и придвинул к себе портфель. Глеб знал, что в этом портфеле — целая вселенная. Тетради, какие-то вырезки, толстые книги, которые Костя таскал из библиотеки. Но Глеб никогда не лез туда. Он чувствовал, что Костина душа заперта

на тяжелый амбарный замок, и у Глеба не было ни желания, ни права этот замок взламывать. Пусть будет.

— А я вчера «Утес» видел! — вдруг взвился Славик, выныривая из-за кустов сирени. Славик был самым младшим, ему только стукнуло четырнадцать, и он всеми силами пытался казаться взрослым. На нем были нелепо короткие шорты и футболка с выцветшим изображением космонавта. — Они с «Кирпичами» на стрелку собирались. Я за ними до самого гаражей шел.

Олег наконец оторвался от воды, отряхнул руки и выпрямился. В его голубых глазах зажегся тот самый, опасный и радостный огонек.

— Ну и? Кто кого?

— Да никто никого, — Славик досадливо махнул рукой, стараясь, чтобы это выглядело как жест опытного мужика. — Разбежались. Труссы. А вот если бы мы...

Глеб слушал их, опершись подбородком на ладонь, и чувствовал, как внутри разливается привычное, теплое спокойствие. Он смотрел на Олега, который уже заводил речь о том, как бы найти этих «Утесов» и проучить их за трусость. Смотрел на Костю, который снова закурил и ушел в себя, глядя куда-то сквозь заводские трубы, маячившие на горизонте. Смотрел на Славика, который тараторил, боясь, что его пере перебьют и не дослушают.

Он любил их. По-настоящему, глубоко и безоговорочно. Но в то же время он чувствовал себя так, словно находился за тонким, невидимым стеклом.

Олег жил дракой, Костя — своей скрытой болью, Славик — мечтой о взрослости. Они суетились, страдали, радовались, пытались изменить мир или хотя бы свой двор. А Глеб... Глеб просто был.

«Каким быть?» — с легкой усмешкой подумал он, вспоминая вчерашний разговор с отцом. Что за глупый вопрос. Я всегда есть я.

Ему не нужно было доказывать свою правоту кулаками, как Олегу. Не нужно было прятать свои стихи в кожаный портфель, как Косте. Он читал Блока и Хемингуэя не потому, что искал в них ответы, а потому, что они были красивы, как эта река, как этот закат, окрашивающий воду Исети в цвет старого золота. Он знал, что он умнее их. Не потому, что прочитал больше книг, а потому, что ему не нужно было обманывать себя, чтобы жить. Он видел их насквозь, видел их слабости, их нелепые позы, их страх перед миром.

Но это знание не рождало в нем презрения. Оно рождало тихую, всепрощающую нежность. Он был как старший брат, который смотрит, как младшие дерутся за песочницу, и знает, что завтра они снова будут играть вместе.

— Глебушка, ты чего такой задумчивый? — Костя вдруг повернулся к нему, и в его взгляде мелькнула тревога. — Опять в облаках витаешь? Спустись на землю, а то улетите со своими патлами в космос.

Глеб улыбнулся. Улыбнулся так, что у Кости тревога в глазах сменилась чем-то похожим на облегчение.

— Я здесь, Костя, — сказал Глеб, и голос его прозвучал в вечернем воздухе твердо и ясно. — Я всегда здесь.

Где-то вдалеке, за рекой, глухо и протяжно загудел гудок на Синарском заводе. Звук этот был тяжелым, заводским, чужим их интеллигентному центру. Поезд, лязгая сцепками, прошел по железнодорожному мосту, разделяя город на две части.

Глеб посмотрел на темнеющую сторону Синарки. Там, за мостом, был другой мир. Мир, который он пока не знал. Мир, который еще только готовился сделать шаг навстречу, чтобы навсегда разрушить его хрустальное, безмятежное равновесие.

Но это будет потом. А сейчас был июнь, пахло речной водой и сиренью, Олег настраивал гитару, а Глеб был счастлив.

Глава 2. Тень на бумаге

Костя писал ночью.

Это было его тайное, стыдное время. Когда все засыпали — мать в своей комнате, за стеной, где тихо плакала во сне, а отец... отец обычно возвращался под утро, шатаясь, с запахом дешевого портвейна и машинного масла, — Костя доставал из-под подушки тетрадь.

Тетрадь была обычная, в клеточку, с загнутыми уголками страниц. Но для Кости она была важнее всего на свете. Здесь, на этих пожелтевших от пота пальцев страницах, он был не Костей Ремезовым, сыном пьющего инженера Синарского трубного, не троечником, второй год сидящим в десятом классе, не тем парнем, который краснеет, когда девчонки из параллельного класса проходят мимо. Здесь он был собой. Настоящим.

Он писал медленно, выводя каждую букву с болезненной тщательностью, словно боялся, что слова убегут, если он поторопится.

"Ночь пахнет ржавчиной и стыдом,
А отец храпит за тонкой стеной.
Я считаю трещины на потолке —
Каждая — как дорога в никуда..."

Костя остановился, посмотрел на строки и поморщился. Слишком в лоб. Слишком жалко. Он зачеркнул "стыдом" и написал "вином". Нет, еще хуже. Вырвал страницу, скомкал, бросил в угол, где уже лежала горстка таких же комочков.

Он закурил, хотя в комнате было душно от табачного дыма, и посмотрел в окно. Во дворе горел единственный фонарь, и под ним кружились мотыльки. Где-то далеко, на Синарке, гудел завод — этот гул был фоном всей его жизни, как стук сердца, которое вот-вот остановится.

Костя ненавидел этот гул. Ненавидел завод, который забирал у отца здоровье, а потом выкидывал его, сломленного, на пенсию в сорок пять. Ненавидел мать, которая работала на почте за копейки и смотрела на мужа с той самой обреченной жалостью, которая хуже любого презрения. Ненавидел себя за то, что не мог ничего изменить.

Он снова наклонился над тетрадью и написал:

"Мы все — как эти мотыльки,
Кружимся над огнем,
Не зная, что огонь — это мы сами,
И что сгорим мы в нем."

На этот раз он не стал вырывать страницу. Закрыв тетрадь, убрал ее в кожаный портфель, который всегда носил с собой, словно щит. Портфель этот достался ему от деда, и Костя любил его за то, что тот помнил времена, когда мир был другим. Когда, может быть, и люди были другими.

На следующий день после школы они сидели во дворе за гаражами — это было их место, нейтральная территория между школой и домом. Олег, как всегда, не мог усидеть на месте. Он ходил кругами, пинал консервные банки и что-то возбужденно рассказывал.

— ...и вот этот урод, Валера из "Утеса", он мне вчера говорит: "Ты, Морозов, со своими патлами как баба выглядишь". А я ему: "Ты, говорю, Валера, со своей рожей как морда выглядишь". Ну, он, конечно, в дышло. Но я его достану, Глебушка, я его достану.

Глеб сидел на перевернутом ящике и лениво слушал. Он понимал, что Олег никогда не полезет драться с этим Валерой — тот был на два года старше и весил под центнер. Но Олегу нужно было говорить об этом, нужно было чувствовать себя опасным, даже если это была лишь иллюзия.

— А может, не надо? — тихо сказал Глеб. — Что ты к нему привязался, как репей.

— Как не надо?! — Олег остановился, глаза его загорелись. — Ты чего, Глеб, трусишь? Он же тебя тоже обзовет завтра. "Длинноволосый", "хиппи паршивый". Ты что, стерпишь?

— Стерплю, — кивнул Глеб. — А ты?

Олег замаялся. Он-то как раз не стерпит. Но в том-то и дело, что он не мог понять, как Глеб может вот так спокойно принимать оскорбления. Для Олега это было равносильно смерти — стерпеть, промолчать, пройти мимо.

— Ты не понимаешь, — сказал он, садясь рядом. — Если ты один раз стерпишь, потом всю жизнь будешь терпеть. Это как... как если тебе плюнут в лицо, а ты улыбнешься.

— А если я улыбнусь, — Глеб посмотрел на него с той самой своей мягкой улыбкой, — то плюнувший почувствует себя идиотом. И больше не плюнет.

Олег хотел возразить, но не смог. Он чувствовал, что Глеб прав, но эта правда была из другого мира, из того мира, где люди не дерутся, а разговаривают. Где слова сильнее кулаков. Олег не верил в такой мир. Он знал только один закон — закон силы.

Костя сидел чуть поодаль, обняв колени. Он не участвовал в разговоре, но слушал. Его портфель лежал рядом, и Костя время от времени поглядывал на него, словно проверяя, на месте ли тетрадь.

Славик крутился рядом, пытаясь вклиниться в разговор взрослых мальчиков.

— А я вчера видел, как "Кирпичи" с "Утесами" на стрелку собирались! — выпалил он, наконец дождавшись паузы. — У гаражей, где старые "Москвичи" стоят. Они сегодня вечером там будут. Я точно знаю!

Олег снова вскочил на ноги.

— Ну все, Глебушка, сегодня вечером мы им покажем! — он потирал руки, и в глазах его плясали чертики. — Ты с нами?

— Нет, — покачал головой Глеб. — У меня отец сегодня "Вишневый сад" репетирует. Я обещал помочь с декорациями.

— Тьфу ты, интеллигент хренов, — выдохнул Олег, но без злобы. Он привык, что Глеб никогда не ходит на их "стрелки". — Ладно, мы сами. Мы им покажем!

Костя вдруг поднял голову.

— Олег, не надо, — сказал он тихо, но твердо. — Ты не знаешь, кто там будет. Там Док со Синарки будет.

Олег замер. Имя "Док" действовало даже на него отрезвляюще. Дмитрий Доктуров был легендой Синарки — восемнадцать лет, ПТУ, и за ним тянулся шлейф из драк, которые он всегда выигрывал. Не потому, что был сильнее, а потому, что был жестче. Циничнее.

— Откуда ты знаешь? — спросил Олег, но голос его уже не был таким уверенным.

— Зинка сказала, — Костя пожал плечами. — Она в заводской столовой работает. Слышала, как они договаривались.

— Ну и что? — Олег попытался вернуть себе браваду. — Мы их не боимся.

— Боимся, — спокойно сказал Костя. — И правильно делаем.

Повисла тишина. Даже Славик притих, почувствовав, что разговор идет о чем-то серьезном, о чем ему не стоит болтать.

Глеб смотрел на друзей и чувствовал, как внутри поднимается странное, незнакомое чувство. Он привык, что они все — Олег, Костя, Славик — живут в своем мире, где есть свои герои и свои враги. Он наблюдал за ними со стороны, как за персонажами интересной книги. Но сейчас, впервые, он почувствовал, что этот мир может быть опасным. Что за словами "стрелка" и "Док" стоит что-то настоящее, не книжное.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Делайте, что хотите. Но не лезьте туда, где вас не ждут.

— А ты чего нас учишь? — огрызнулся Олег, но было видно, что он уже передумал идти на стрелку. Слишком страшно было имя Дока.

Глеб не ответил. Он пошел домой, через двор, мимо пятиэтажек, где в открытых окнах пахло жареной картошкой и стиральным порошком. Он думал о том, как странно устроен мир. Как легко можно перейти черту, за которой начинается настоящее. И как трудно потом вернуться обратно.

А Славик не успокоился.

Он чувствовал себя предателем — ведь это он рассказал про стрелку, а теперь все испугались. Он хотел доказать, что он не трус, что он настоящий мужик, а не соплик четырнадцати лет.

Вечером, когда уже стемнело, он пробрался к старым гаражам. Он не собирался лезть в драку — он просто хотел посмотреть, хотел быть свидетелем, чтобы потом рассказать Олегу, какой он храбрый.

Но у гаражей было пусто. Только консервные банки валялись на земле, да где-то вдалеке лаяла собака.

Славик разочарованно пнул банку и пошел обратно. Но у поворота он наткнулся на Костю, который сидел на скамейке и курил.

— Костян, ты чего тут? — удивился Славик.

— Жду, — Костя не посмотрел на него. — Олегу передам, что никого там не было. Пусть не парится.

— А я думал, там драка будет, — Славик присел рядом. — Я же видел, они собирались.

— Собирались, да передумали, — Костя потушил сигарету и достал из портфеля тетрадь. — Слушай, Славик, ты же к Олегу домой пойдешь? Передай ему записку. Скажи, что завтра в школу не пойду, мать заболела.

Костя вырвал из тетради чистый лист, быстро написал что-то и протянул Славику. Но Славик заметил, что тетрадь открыта, и в ней видны строки стихов.

— О, ты стихи пишешь? — Славик потянулся к тетради. — Дай почитать!

— Не надо, — Костя резко захлопнул тетрадь и сунул ее обратно в портфель. Но было поздно — Славик уже видел.

— Да ладно тебе, чего ты как жадина, — Славик обиделся. — Я же не украду.

— Не твое дело, — Костя встал, и в голосе его прозвучала такая жесткость, что Славик отступил. — Иди домой. И Олегу передай.

Славик пошел, но обида не отпускала. Он чувствовал, что его снова не приняли, снова показали, что он маленький, что он не свой.

Он шел по темной улице, сжимая в руке записку, и думал о том, как бы доказать всем, что он не маленький. Что он тоже может быть взрослым. Что он тоже имеет право на свои секреты.

Он не знал, что именно эта обида, это желание доказать, приведет его завтра к железнодорожному мосту. К месту, где интеллигентный центр встречается с рабочей Синаркой. Где его ждет Док.

А пока он просто шел домой, и фонари отбрасывали его длинную, вытянутую тень на асфальт. Тень, которая казалась больше и взрослее, чем он сам.

Глава 3. Синарка зовет

Третье июля 1971 года. Раннее утро.

Небо над Каменском-Уральским было чистым, без единого облачка, того глубокого, пронзительного синего цвета, который бывает только в разгар уральского лета. Солнце еще не поднялось высоко, но уже пекло нещадно, превращая росу на траве в пар. Воздух дрожал над асфальтом, пах раскаленным гудроном, пылью и чем-то неуловимо металлическим — это с Синарки, от гигантских цехов трубного завода, тянуло маревом. Где-то далеко, за рекой, уже гудели гудки, созывая на первую смену, и этот гул был похож на дыхание огромного, просыпающегося зверя.

Место действия: Железнодорожный мост.

Мост был границей. Не просто инженерным сооружением из ржавого железа и шпал, а настоящей линией фронта, разделяющей два мира. С одной стороны — центр, улица Ленина, театр, пятиэтажки с палисадниками. С другой — Синарка, бараки, заводские проходные, запах сероводорода и вечная копоть на окнах. Под мостом текла Исеть, здесь быстрая и каменистая, а вокруг валялись окурки, битые бутылки и ржавые гайки. Это было место, где заканчивалась цивилизация и начиналась территория волков.

Славик вышел из дома рано, как только мать ушла на работу. В кармане его шорт лежала записка для Олега, но еще там лежало кое-что другое. Вчера, когда Костя так резко захлопнул портфель, Славик успел заметить, что Костя сунул тетрадь неглубоко. А сегодня утром, когда Костя спал (он ведь не пошел в школу), Славик зашел к нему, якобы будить, и аккуратно, чтобы не разбудить, вытащил тетрадь из портфеля.

Он не хотел красть. Боже упаси. Он просто хотел почитать. Хотел понять, что там такого секретного, что Костя прячет это как сокровище. И, может быть, если стихи окажутся хорошими, он даже вернет тетрадь и скажет: «Костян, я все знаю, но я не сдал тебя». Это было бы по-геройски.

Славик шел к мосту. Это было нейтральное место, куда они иногда ходили все вместе, чтобы посмотреть на поезда. Но сегодня Славик шел туда один, сжимая в кармане чужую тетрадь. Сердце его колотилось — не от страха, а от предвкушения. Ему казалось, что он совершает важное, взрослое дело.

У моста было тихо. Поезда еще не ходили так часто, как днем. Славик сел на бетонный парапет, свесив ноги над откосом, и достал тетрадь.

Она была тяжелой, исписанной мелким, нервным почерком. Славик открыл наугад.

"Отец пришел опять пьяный,

И мать молчит, как рыба.

А я пишу эти строки,

Чтобы не завьить от стыда."

Славик поморщился. Ему не нравились эти стихи. Они были слишком... жалкие. Слишком настоящие. Он хотел романтики, как у Высоцкого про охоту на волков, или про любовь, как в фильмах. А тут какая-то грязь, пьянство, стыд.

Он перевернул страницу.

"Мы живем за забором из колючей проволоки,

И небо над нами цвета ржавчины.

Но я вижу сон, где я лечу,

И ветер срывает с меня эту ржавчину..."

Это было лучше. Славик улыбнулся. Он представил, как читает эти строки Олегу, и Олег говорит: «Ну ты даешь, Славик, это круто!».

Он так увлекся, что не услышал шагов.

— Эй, пацан.

Голос был низким, спокойным, но в нем слышалась такая сила, что у Славика похолодело внутри. Он медленно поднял голову.

На мосту стояли трое. Впереди — высокий парень с коротко стриженной головой, в кожаной куртке, несмотря на жару. За ним — двое постарше, с мрачными, небритыми лицами. Славик узнал их. Это были синарские. Те самые, про которых рассказывал Олег.

Впереди стоял Док.

Славик хотел сунуть тетрадь обратно в карман, но пальцы его не слушались. Тетрадь выпала из рук и шлепнулась на асфальт, раскрытая на странице со стихами.

Док медленно подошел, пнул тетрадь носком тяжелого ботинка, поднимая облачко пыли.

— Читаем? — он усмехнулся, и улыбка его была хищной. — Что тут у нас? Поэзия?

Он наклонился, поднял тетрадь и пробежал глазами страницу. Славик сидел, не смея пошевелиться, и чувствовал, как по спине ползет холодный пот.

— «Небо цвета ржавчины», — прочитал Док вслух, и голос его звучал насмешливо. — Неплохо. Для сопляка.

Он перевернул страницу, потом еще одну. Читал медленно, вдумчиво, и с каждой прочитанной строкой выражение его лица менялось. Насмешка уходила, уступая место чему-то другому — то ли злости, то ли удивлению.

— Чье это? — спросил он, не поднимая глаз.

— М-мое... — прошептал Славик. Врать было бесполезно, но и сказать правду он не мог.

Док поднял на него взгляд. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, и в них не было ничего человеческого. Только холодный расчет.

— Врешь, — спокойно сказал он. — Это не твое. У тебя рожа не поэтическая. У тебя рожа предателя.

Славик хотел возразить, но слова застряли в горле.

— Кто написал? — Док сделал шаг вперед.

— К-Костя... — выдавил из себя Славик. — Ремезов.

Док усмехнулся.

— Ремезов... Сын Игоря Ремезова с прокатного? Того, что спился?

— Да, — прошептал Славик.

Док захохотал. Смех его был громким, резким, и эхо от него покатилося под мостом.

— Ну конечно! — он вытер слезу. — Сын алкаша пишет про ржавчину! Это же гениально!

Он повернулся к своим ребятам.

— Слышали? Сын алкаша пишет стихи! Это надо запомнить.

Потом он снова посмотрел на Славика.

— А ты что, шпионил за ним? Украл тетрадь, чтобы почитать?

Славик молчал.

— Отвечай! — голос Дока стал жестким, как удар хлыста.

— Я... я хотел... — Славик запутался. — Я хотел доказать, что я не маленький...

Док посмотрел на него с брезгливостью.

— Ты и есть маленький. И жалкий. Ты предал друга ради того, чтобы почитать его стихи. Это низко, пацан.

Он сунул тетрадь в карман своей куртки.

— Это я забираю. Пусть Ремезов знает, что его поэзия теперь у меня.

— Отдай... — прошептал Славик. — Пожалуйста...

Док наклонился к нему, и Славик увидел свое отражение в его холодных глазах.

— Приходи завтра. Вечером. У насосной станции. Если хочешь вернуть — приходи. Только один. И если расскажешь кому — я тебя найду. Понял?

Славик кивнул, не в силах вымолвить слово.

Док выпрямился, махнул рукой своим, и они пошли прочь, оставляя Славика одного на мосту.

Солнце пекло нещадно, но Славик дрожал, как в лихорадке. Он предал. Он отдал Костину тетрадь. Он даже не попытался защитить.

Он сполз с парапета и побрел домой, шаркая ногами по горячей пыли. Тень его была маленькой и жалкой, совсем не такой, какой он представлял ее вчера.

А где-то далеко, за рекой, уже просыпался Костя, не зная, что его душа теперь лежит в кармане у врага.

Глава 4. Трещина в стекле

Четвертое июля 1971 года. Вечер.

День клонился к закату, но жары не убавлялось. Небо над Каменском-Уральским стало свинцово-серым, тяжелым, словно кто-то натянул над городом грязное полотно. Где-то за Синаркой, над трубами завода, клубились низкие тучи, и в них вспыхивали сухие, беззвучные молнии — предвестники грозы, которая так и не решалась разразиться. Воздух был густым, неподвижным, пахло нагретым металлом и пылью, которая оседала на всем: на подоконниках, на листьях тополей, на волосах. Даже птицы замолчали, спрятались в тени, и только где-то далеко, за рекой, монотонно гудел завод — этот гул был как пульс больного города.

Место действия: Двор за гаражами, за школой №1.

Это было их место — заброшенный пяточок земли между ржавыми гаражами и забором школы. Здесь валялись старые покрышки, битые бутылки, ржавые пружины от диванов. Пахло бензином, машинным маслом и скошенной травой, которая пробивалась сквозь асфальт. Посередине стоял перевернутый ящик из-под бутылок — это был их стол. Рядом — скамейка, сколоченная из досок Олегом еще в прошлом году. Здесь они собирались, чтобы поговорить, покутить, помечтать. Здесь был их мир, маленький и безопасный.

Но сегодня этот мир давал трещину.

Славик пришел первым.

Он сидел на скамейке, сгорбившись, и смотрел в землю. В руках он вертел камешек, подбрасывал его и ловил, но руки его дрожали. Он пришел раньше всех, потому что не мог дожидаться, когда же это случится. Когда Костя узнает. Когда Олег его убьет. Когда мир рухнет.

Он не спал всю ночь. Лежал в своей кровати, смотрел в потолок и видел глаза Дока — холодные, прозрачные, безжалостные. Он видел, как Док засовывает тетрадь в карман куртки. Он слышал его смех — громкий, резкий, глумливый.

«Ты предал друга ради того, чтобы почитать его стихи. Это низко, пацан».

Славик сжался в комок, обхватил колени руками и уткнулся в них лицом. Он плакал — тихо, беззвучно, так, что только плечи вздрагивали. Он плакал не от страха. Он плакал от стыда. От понимания, что он — ничтожество. Что он предал. Что он не смог защитить даже чужую тетрадь, не то что друга.

Он услышал шаги и поднял голову.

Шел Костя.

Он шел медленно, как всегда, с той своей небрежной, ленивой походкой, которая была ему свойственна. В одной руке он нес кожаный портфель, в другой — сигарету. Лицо его было спокойным, даже скучающим. Но Славик увидел его глаза — и похолодел.

Глаза у Кости были пустые. Стеклянные. Как у мертвого.

— Костян... — Славик встал, и ноги его подкосились. — Костян, я...

Костя остановился. Посмотрел на него. Молча.

Славик хотел заговорить, но слова застряли в горле. Он открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Я... я... — он захлебнулся. — Прости меня...

Костя продолжал смотреть. В его взгляде не было злости. Не было удивления. Не было даже разочарования. Там была только пустота. Бездонная, черная пустота.

— Где она? — тихо спросил Костя.

Славик понял, что он уже знает. Что кто-то уже рассказал. Что все кончено.

— У Дока... — прошептал он. — На мосту... он забрал...

Костя кивнул. Медленно, как робот.

— Понятно, — сказал он. Голос его был ровным, безэмоциональным. — Ты украл тетрадь. Пошел к мосту. Встретил Дока. Отдал ему.

Это было не вопрос. Это была констатация факта.

Славик кивнул, не в силах вымолвить слово.

Костя посмотрел на него еще секунду, потом отвел взгляд.

— Уходи, — сказал он.

— Костян, я...

— Уходи, — повторил Костя. — Пока Олег не пришел.

Славик хотел возразить, хотел умолять, хотел упасть на колени. Но он увидел, что это бесполезно. Костя уже не слышал его. Костя уже был где-то далеко, за пределами этого двора, за пределами этого мира.

Славик развернулся и побежал. Бежал, не оглядываясь, через гаражи, через двор, через улицу. Бежал, пока не упал за углом дома и не забился в конвульсиях, рыдая в пыль.

Костя остался один.

Он сел на скамейку, положил портфель рядом, достал сигарету, закурил. Руки его не дрожали. Лицо оставалось спокойным. Но внутри у него что-то оборвалось. Что-то важное, что держало его на плаву.

Он курил медленно, глубоко затягиваясь, и смотрел, как дым растворяется в тяжелом, неподвижном воздухе. Он думал о тетради. О тех страницах, которые он исписывал ночами. О тех строках, которые были его кровью, его потом, его душой.

Теперь эта душа лежала в кармане у Дока. Теперь Док будет читать ее. Будет смеяться. Будет показывать своим ребятам. Будет говорить: «Смотрите, сын алкаша пишет стихи! Это же гениально!».

Костя сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Но лицо его оставалось спокойным.

Он не плакал. Он не кричал. Он не рвал на себе волосы. Он просто сидел и курил, и смотрел в никуда.

Потому что плакать было бессмысленно. Кричать было бессмысленно. Все было кончено. Его душа была украдена. И он ничего не мог сделать.

Он был бессилен.

Олег пришел через десять минут.

Он пришел не один. С ним был Глеб.

Олег шел быстро, нервно, размахивая руками. Он уже знал. Славик, рыдая, рассказал ему все по телефону, прежде чем Костя успел его остановить.

— Костян! — Олег подбежал к скамейке, глаза его горели лихорадочным огнем. — Костян, ты чего сидишь? Мы сейчас пойдем! Мы найдем этого урода! Я его убью! Я его на куски порву!

Костя медленно повернул голову. Посмотрел на Олега.

— Сядь, — сказал он тихо.

Олег замер. Он не ожидал такого спокойствия. Он ожидал криков, слез, проклятий. Но не этого.

— Костян... — он сел рядом, но продолжал дергаться, как на пружинах. — Мы не можем это так оставить. Он забрал твою тетрадь. Твою! Понимаешь? Это же... это же как душу украсть!

— Понимаю, — кивнул Костя.

— Так давай пойдем! — Олег вскочил. — Найдем его, отберем, и я ему морду набью! Я ему все зубы выбью!

— Сядь, — повторил Костя. Голос его стал жестче.

Олег сел, но продолжал смотреть на Костю с недоумением.

— Костян, ты чего? Ты чего такой... тихий?

Костя не ответил. Он посмотрел на Глеба, который стоял чуть поодаль, прислонившись к гаражу, и молча курил.

— Глеб, — сказал Костя. — Ты что скажешь?

Глеб подошел, сел на ящик напротив. Он посмотрел на Костю, и в его взгляде было что-то новое. Что-то, чего Костя раньше не видел. Не жалость. Не сочувствие. А... понимание?

— Я скажу, что Олег прав, — медленно произнес Глеб. — Нельзя это так оставлять.

Олег торжествующе посмотрел на Костю.

— Вот! Глеб тоже так считает! Пойдем!

— Но, — продолжил Глеб, — это не значит, что мы пойдем и набьем ему морду.

Олег разочарованно выдохнул.

— А что тогда?

Глеб посмотрел на Костю.

— Это значит, что мы должны вернуть тетрадь. Любой ценой.

Костя молчал. Потом медленно кивнул.

— Любой ценой, — повторил он.

Глеб встал.

— Тогда поговорим с Доком.

— Поговорим? — Олег фыркнул. — Ты чего, Глеб, с дуба рухнул? С ним не разговаривают. С ним дерутся.

— Нет, — покачал головой Глеб. — С ним разговаривают. Просто по-другому.

Олег хотел возразить, но Костя положил ему руку на плечо.

— Подожди, Олег, — сказал он тихо. — Послушаем Глеба.

Олег замолчал, но было видно, что он не согласен. Он сжал кулаки и смотрел в землю.

Глеб посмотрел на них обоих. На Олега, который готов был убивать. На Костю, который уже умер внутри. И впервые за все это время он почувствовал, что его «философия непривязанности» дает трещину.

Он привык быть выше этого. Он привык наблюдать со стороны, как за персонажами книги. Он привык считать, что его спокойствие — это мудрость. Что его отстраненность — это сила.

Но сейчас он понял, что это не так.

Его спокойствие было роскошью. Роскошью, которую он покупал за счет равнодушия к боли других. Он мог позволить себе быть спокойным, потому что ему не было больно. Потому что его душа не лежала в кармане у Дока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.